

Киплинг Редьярд

Маугли

Из Книги джунглей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р33

Р33 **Редьярд К.**
Маугли: Из Книги джунглей / Киплинг Редьярд – М.: Книга по Требованию,
2022. – 192 с.

ISBN 978-5-519-89054-0

ISBN 978-5-519-89054-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

идет сюда, чтобы и наших соседей разгневать. По его милости они начнут чистить Джунгли; он-то уйдет куда-нибудь подальше, нам же с детьми придется убежать отсюда, когда люди подожгут траву. Спасибо, спасибо Шер-Хану!

— Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон! — зарычал Отец Волк. — Вон! Ступай охотиться к своему покровителю. Довольно ты наделал зла для одной ночи!

— Я ухожу, — спокойно возразил Табаки. — Вы услышите голос Шер-Хана внизу, в чаще. Я мог и не исполнять поручения...

Отец Волк прислушался, и из глубины долины, сбегавшей к маленькой речонке, до него донесся сухой, злобный, протяжно-визгливый вой упустившего добычу тигра, которому решительно безразлично, узнают ли об этом Джунгли.

— Дурень! — промолвил Отец Волк. — Ночную работу начинать таким шумом! Он воображает, будто наши олени то же самое, что жирные волы Вайнгунги.

— Тс!.. Нынче он охотится не за волком и не за оленем, — прервала его Мать Волчиха. — Это Человек!..

Вой сменился особым гудящим мурлыканьем, исходившим, казалось, из каждой точки окрестности. Это был тот звук, который приводит в дикое смятение дровосеков и цыган, ночующих под открытым небом, и порой заставляет их бросаться в самую пасть тигра.

— Человек! — произнес Отец Волк, оскалив свои белые зубы. — Фуй! Разве мало жуков и лягушек в водоемах, что ему понадобилось есть Человека, да еще на нашей земле?

Закон Джунглей, ничего не предписывающий без причины, запрещает зверям есть Человека, кроме тех случаев, когда они учат детенышей охотиться; но тогда они должны охотиться не на участке своей Стаи или Племени.

Истинная причина этого запрета кроется в том, что охота за Человеком рано или поздно влечет за собой прибытие белых людей с ружьями и нескольких сотен темнокожих с барабанами, ракетами и факелами. Тут уж достается всем обитателям Джунглей! В разговорах же между собой звери говорят, что Человек слабее и беззащитнее всех живых тварей, и обижать его было бы «не по-охотничьи». Они еще говорят — и это правда, — что людоеды становятся шелудивыми и теряют зубы.

Мурлыканье становилось все громче и громче, и, наконец, раздалось громовое «аррр» тигра,

нападающего на добычу. Затем последовал вой Шер-Хана, — вой, в котором мало было тигриного.

— Шер-Хан промахнулся, — заметила Мать Волчиха. — Что бы это значило?

Отец Волк пробежал несколько шагов и услышал дикий рык и сопение тигра, ворочавшегося в чаще.

— Его угораздило ступить на костер дровосека, и он обжег себе лапы! — проворчал Отец Волк. — С ним Табаки.

— Кто-то взбирается на гору, — промолвила Мать Волчиха, насторожив ухо. — Готовься!

В темноте слегка зашумели кусты; Отец Волк поджал ноги и подобрался, готовясь сделать прыжок. И тут посторонний наблюдатель мог бы увидеть редкое зрелище: волка, остановившегося в середине прыжка! Он сканнул, прежде чем разглядел свою жертву, а затем сделал усилие остановиться. Вышло, что он лишь метнулся вверх на четыре-пять футов и упал наземь почти на том же месте, с которого прыгнул.

— Человек! — воскликнул он, ляснув зубами. — Человеческий Детеныш! Гляди!

Прямо перед ними, держась за низкорослую ветку, стоял голенький темнокожий ребенок, нежнейший пухленький крошка, едва начавший ходить. Он глядел в глаза Отцу Волку и улыбался.

— Неужели это Человеческий Детеныш? — спросила Мать Волчиха. — Никогда их не видала. Неси его сюда!

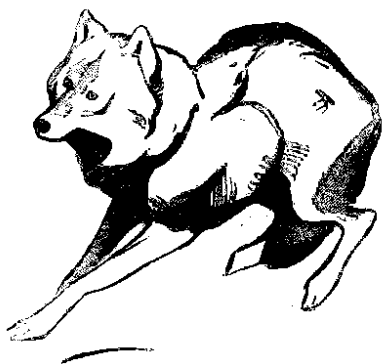
Привыкнув таскать собственных детенышей, волк может в случае надобности пронести в пасти яйцо, не раздавив его; хотя челюсти Отца Волка плотно сомкнулись на спине ребенка, он, ни одним зубом не оцарапав ему кожи, уложил его рядом со своими щенками.

— Какой крошка! Он совсем голый... И какой смелый! — с нежностью проговорила Мать Волчиха.

Ребенок расталкивал волчат, теснясь поближе к теплему меху.

— Ага! Он принимает пищу вместе с другими! Так вот каков Человеческий Детеныш! Ну, мог ли когда-нибудь волк похвастаться тем, что у него среди волчат лежит Человеческий Детеныш?..

— Мне приходилось слышать что-то в этом роде, но это было не в моей Стае и не в мое время, — отозвался Отец Волк. — Он совсем безволосый, и я мог бы убить его одним ударом лапы. Но погляди: он

смотрит прямо на меня — и нисколько не боится!

Лунный свет, сиявший в отверстие пещеры, померк: огромная квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход. Табаки, прячась за его спиной, пищал:

— Владыка, Владыка! Он вошел сюда!

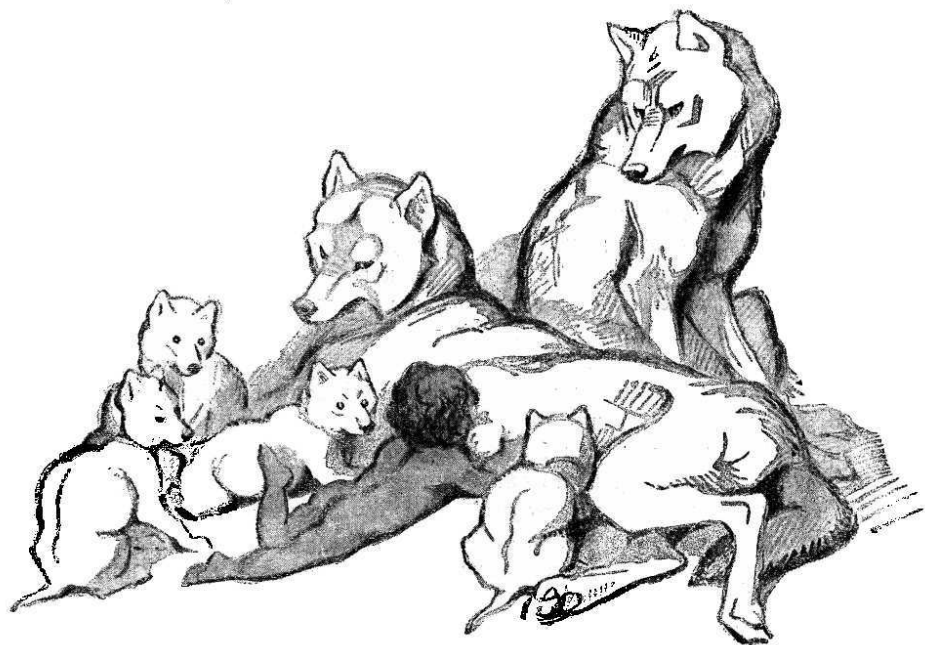
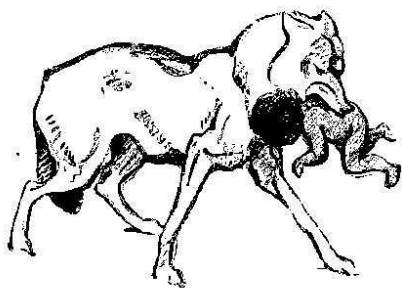
— Шер-Хан делает нам честь своим посещением, — произнес Отец Волк, но в глазах его светился гнев. — Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу. Здесь прошел Человеческий Детеныш, — скавал Шер-Хан. — Его родные удрали. Отдайте его мне!

Шер-Хан наскочил на костер дровосека, как заметил уже Отец Волк; боль в обожженных лапах приводила его в ярость.

Но Отец Волк знал, что отверстие пещеры слишком узко для тигра.

— Волки — свободный народ! — молвил Отец Волк. — Они получают приказания от Вождя Стаи, а не от какого-нибудь полосатого скотобоя. Человеческий Детеныш наш, и мы его убьем, если пожелаем.

— Пожелаете или не пожелаете? Это что за речи? Клянусь быком, которого я убил, я не долго буду дожидаться здесь, уткнувши нос в ваше собачье логово, дожидаться того, что принадлежит мне по праву! Это я, Шер-Хан, говорю с вами!

Громовый рев тигра потряс пещеру. Мать Волчиха стряхнула с себя волчат и прыгнула вперед; глаза ее, горевшие во тьме, как две зеленые луны, впились в пылавшие очи Шер-Хана.

— А это я, Ракша («Сатана»), отвечаю тебе! Человеческий Детеныш — мой, Лэнгри; мой и только мой! Он не будет убит! Он останется в живых, будет бегать и охотиться со всею Стаей; а в конце концов — берегись ты, охотник за голыми детенышами, пожиратель лягушек и рыб! — он будет охотиться за тобой! А теперь убирайся прочь, не то, клянусь Самбгуром, которого я убила (я-то не ем оголодалого скота!), ты уйдешь к родившей тебя, опаленная скотина Джунглей, более хромой, чем явился на свет. Ступай!

Отец Волк с изумлением глядел на нее.

Он успел уже забыть о том времени, когда одолевал Мать Волчиху в жестокой схватке с пятью другими волками, когда она бегала в Стае, и ее только из вежливости не называли в глаза Сатаной. Шер-Хан мог еще потягаться с Отцом Волком, но не устоял бы против Волчихи, так как видел, что за ней все преимущество позиции и что она будет драться до последнего вздоха; поэтому он с рычанием отступил от пещеры и, отойдя немного, прорычал:

— На своем подворье и собака пан! Посмотрим, что скажет Стая на такое покровительство человеческим детенышам. Детеныш — мой и рано или поздно попадет мне на зубы, о густохвостые воры!

Мать Волчиха, еле дыша, бросилась наземь посреди своих детенышей. Отец Волк важно заметил ей:

— Шер-Хан сказал правду. Детеныша нужно показать Стае. Приютишь ли ты его, Мать?

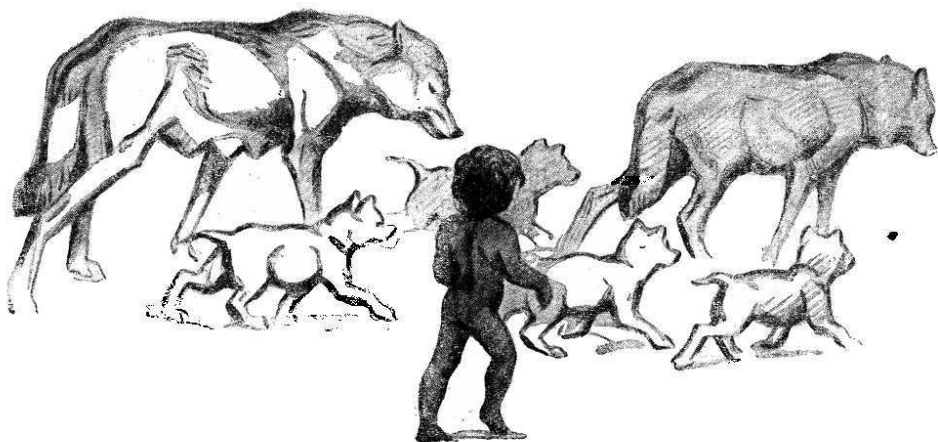
— Приютить его?! — спросила она. — Он пришел ночью, голый, одинокий, голодный; но он не боялся. Смотри, он уже оттолкнул одного из моих детей в сторону. Этот хромой мясник убил бы его и убежал на Вайнгунгу, а потом здешние поселенцы разорили бы в отместку все наши убежища. Приютить его? Разумеется, я дам ему приют. Лежи смирно, Лягушонок! О Маугли, — ибо Маугли-Лягушонком стану я тебя называть, — наступит время, когда ты будешь охотиться за Шер-Ханом, как Шер-Хан охотился за тобой.

— Но что скажет наша Стая? — промолвил Отец Волк.

Закон Джунглей весьма отчетливо гласит, что всякий волк может после женитьбы выйти из Стаи, к которой он принадлежит, но едва его щенки подрастут настолько, чтобы стоять на ногах, он обязан представить их в Племенной Совет, обыкновенно собирающийся раз в месяц, в полнолуние, чтобы прочие волки могли ознакомиться с детенышами. После осмотра щенки вольны бегать, куда им вздумается, и, пока они не убьют своего первого оленя, нет прощенья тому из взрослых волков Стаи, который убил бы одного из них. Убийца карается смертью на том самом месте, где его найдут, и если хорошенько подумать, то ясно, что так оно и должно быть.

Отец Волк выждал, пока его щенки начали бегать, и в ночь Племенной Сходки забрал их всех, Маугли и Мать Волчиху на Скалу Совета — усеянную голышами и обломками скал вершину холма, где могло укрыться до сотни волков.

Акела, огромный седой Одинокый Волк, управлявший Стаей силой и разумом, лежал, вытянувшись во всю длину, на своем утесе; внизу сидело сорок или больше волков всевозможных мастей и роста, от седых ветеранов, могущих в одиночку справиться с оленем, до молодых черных трехлеток, лишь воображающих, что они могут это сделать. Одинокый Волк уже год предводительствовал в Стае. В молодости он два раза попадался в волчий капкан, а однажды был жестоко избит и брошен замертво; поэтому ему знаком был обычай и повадки людей. У скалы почти не слышно было разговоров. Щенки кувыркались и копошились в центре круга, образованного их отцами и матерями; время от времени какой-нибудь взрослый волк медленно приближался к щенку, внимательно его осматривал и бесшумно возвращался на место. Иногда мать выталкивала своего щенка на лунный свет, чтобы быть уверенной, что его не проглядят. Акела взывал со своей скалы:

— Вы знаете Закон — вам ведом Закон. Хорошенько глядите, о Волки!..

И матери тревожно подхватывали крик:

— Глядите, хорошенько глядите, о Волки!..

Наконец (в это мгновение у Матери Волчихи шерсть на шее стала дыбом) Отец Волк толкнул «Маугли-Лягушонка», как его называли, к центру, где он уселся, смеясь, и стал играть камешками, блестящими при свете луны.

Акела не поднимал головы, но продолжал монотонно выкрикивать:

— Хорошенько глядите!

Глухой рев донесся из-за скал — это был голос Шер-Хана:

— Детеныш — мой! Отдайте его мне! На что Свободному Племеню Человеческий Детеныш?

Акела и ухом не повел; он только промолвил:

— Хорошенько глядите, о Волки! Какое дело Свободному Племеню до приказов чьих бы то ни было, кроме Свободного Племеню?

Раздался хор глухих рычаний, и молодой четырехлетний волк метнул Акеле вопрос Шер-Хана:

— Зачем нужен Свободному Племеню Человеческий Детеныш?

По Закону Джунглей, если возникает спор о правах щенка на принятие в Стаю, за него должно быть подано по меньшей мере два голоса членов Стаи, не считая отца и матери.

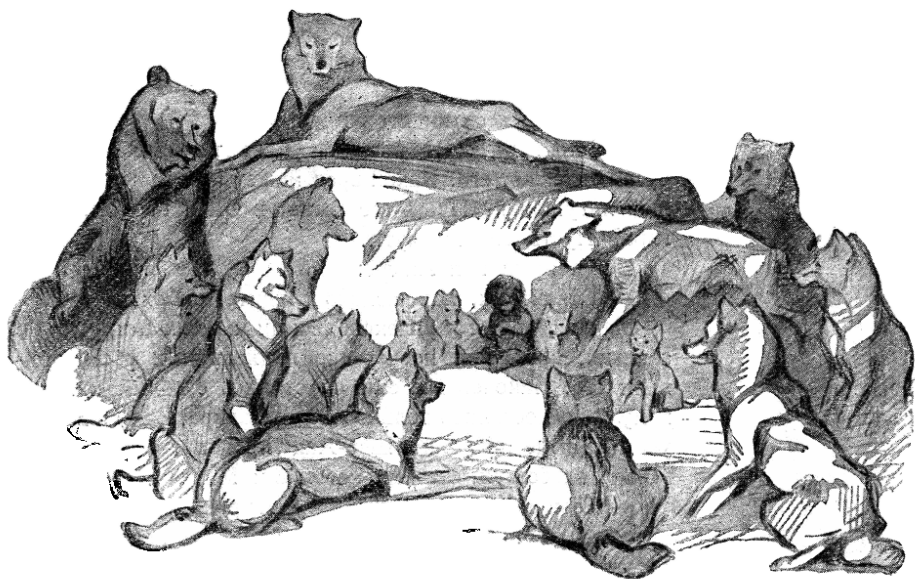
— Кто говорит в пользу Детеныша? — спросил Акела. — Из Свободного Племеню кто говорит?

Ответа не последовало, и Мать Волчиха приготовилась к последней (она это знала) своей битве, на случай, если бы дело дошло до драки.

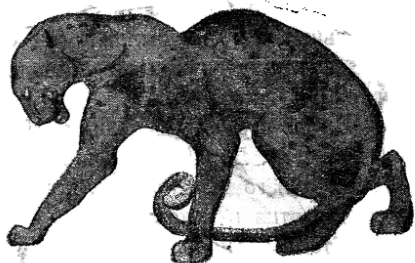
Тогда единственный посторонний зверь, допущенный в Племенной Совет, — Балу, сонливый бурый медведь, обучающий волчат Закону Джунглей, старый Балу, бродящий всюду, где ему вздумается, ибо он питается лишь орехами, кореньями и медом, — поднялся на задние лапы и прорычал:

— Человеческий Детеныш, Человеческий Детеныш! — сказал он. — Я заступлюсь за Человеческого Детеныша! Он не причинит нам вреда. У меня нет дара слова, но я говорю правду! Пусть он бежит в Стаю и войдет в нее вместе с другими. Я сам займусь его воспитанием.

— Нам нужен еще один голос, — промолвил Акела. — Говорил Балу, а он — наставник нашей молодежи. Кто, кроме Балу?

Черная тень упала посреди круга. Это была Багира, черная пантера, — черная, как чернила, со свойственными пантере лоснящимися отсветами. Все знали Багиру, и никто не смел становиться ей поперек дороги, ибо она была хитра, как Табаки, смела, как дикий буйвол, и неукротима, как раненый слон. Но голос ее был сладок, как дикий мед, капающий с дерева, а шерсть мягче пуха.

— О Акела и вы, Свободное Племя! — промурлыкала она. — Я не имею права участвовать в вашем собрании; но Закон Джунглей гласит, что когда возникает сомнение относительно нового детеныша, — если дело идет не о съедении, — то жизнь этого детеныша может быть куплена за известную плату. А Закон не устанавливает, кто может, а кто не может предлагать эту плату. Правду ли я говорю?

— Правильно! Верно! — подхватили молодые волки, которых вечно терзал голод. — Слушайте Багиру! Детеныш может быть куплен за плату. Таков Закон!

— Не имея права говорить здесь, прошу вашего позволения.

— Говори! — гаркнуло двадцать глоток.

— Убивать голого детеныша — позор. Кроме того, он может оказаться вам полезным, когда вырастет. Балу говорил в его пользу. К словам Балу я добавлю быка — и прежирного, только что убитого в полумиле отсюда, — если только вы примете Человеческого Детеныша в Стаю по Закону.

Раздались десятки восклицаний:

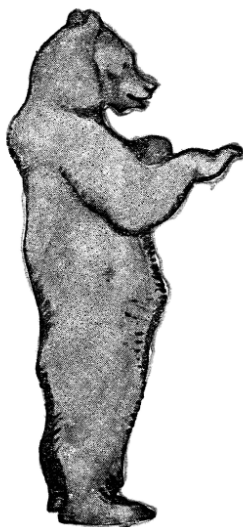
— Что за беда? Все равно он умрет от зимних дождей... Солнце сожжет его. Какой вред может нам причинить голый лягушонок? Пусть его бегают в Стае! Где бык, Багира? Пусть его примут...

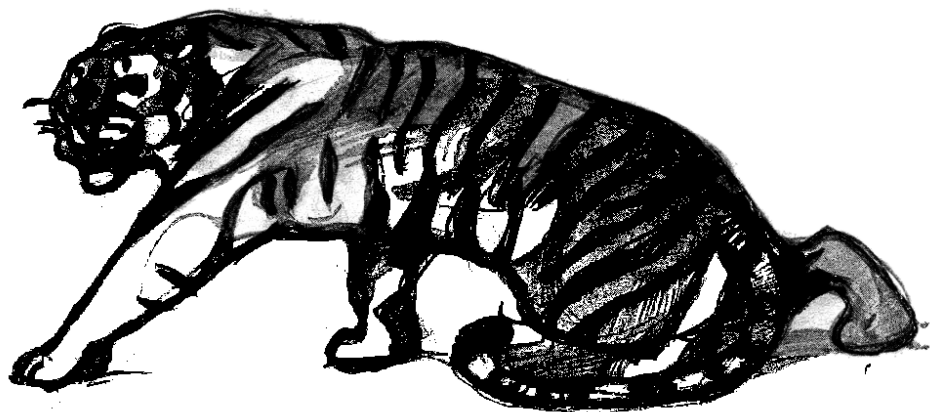
Все покрыл вой Акелы:

— Смотрите ж, хорошенько смотрите, о Волки!

Маугли до того увлекся своими камешками, что не заметил, как волки поочередно подходили и рассматривали его. Наконец все они спустились с холма к мертвому быку; остались только Акела, Багира, Балу и волки, усыновившие Маугли. Шер-Хан продолжал реветь во мраке, злобствуя, что ему не отдали Маугли.

— Реви себе, — пробормотала Багира в усы. — Наступит время, когда это голое создание заставит тебя реветь на иной лад, — или я плохо знаю людей!

— Сделано хорошее дело, — промолвил Акела, — и их детеныши очень умны. Настанет время, когда он будет нам в помощь.

— Воистину, в помощь в час нужды, ибо никто не может надеяться вечно предводительствовать Стаю, — заметила Багира.

Акела не ответил. Он думал о том времени, которое наступает для каждого предводителя Стаи; когда силы его истощаются, когда он все больше и больше слабеет, пока, наконец, его не убивают волки и не назначается новый предводитель.

— Уведи его, — обратился он к Отцу Волку, — и воспитай, как приличествует сыну Свободного Племени!

Таким-то образом Маугли был принят в Сионийскую Стаю волков ценою быка и доброго слова Балугу.

А теперь пусть читатель потрудится пропустить десять—одиннадцать лет. Ему предоставляется строить догадки насчет той удивительной жизни, которую Маугли вел в обществе волков. Если бы мы задумали описать ее, пришлось бы наполнить множество томов. Он рос вместе с волчатами, хотя эти последние, разумеется, успели стать взрослыми волками, в то время как он был еще совсем ребенком. Отец Волк обучал его своему делу и разъяснял ему смысл всякой вещи в Джунглях, пока шелест каждой былинки, каждый вздох теплого ночного воздуха, каждая нотка совы, сидящей на дереве, царапина ногтя летучей мыши, уцепившейся для отдыха за сучок, и каждый всплеск любой рыбки

в озере не стали ему так же понятны, как конторская работа деловому человеку. В то время, когда Маугли не учился, он грелся на солнышке, спал, ели или отправлялся дремать; когда ему становилось жарко или случалось выпачкаться, он плескался в лесных озерцах; а когда ему хотелось меду (Балу доказал ему, что мед и орехи так же приятны на вкус, как и сырое мясо), он забирался на дерево, чему его научила Багира. Багира растянется, бывало, на суку и зовет: «Ступай сюда, Братец!»

Вначале Маугли лазил не лучше тихохода, но вскоре почти так же смело летал меж ветвей, как и серые обезьяны. Он заседал на Скале Совета, когда собиралась Стая; здесь он сделал открытие, что стоит ему пристально поглядеть любому волку в глаза, как этот последний опускает их; для потехи он не раз проделывал эту штуку. Случалось, он вынимал длинные занозы из лап своих друзей, — волки сильно страдают от шипов и репейников, застревающих в их шубах. По ночам он любил спускаться с холма на возделанные поля и с любопытством наблюдал поселян в их хижинах. Но он не доверял людям: Багира показала ему квадратный ящик — капкан, так искусно спрятанный в лесу; что он чуть не попал в него, и сказала, что это ловушка.

Больше всего он любил ходить с Багирой в темную теплую чашу леса и засыпать там на весь душный день, а ночью наблюдать, как Багира охотится. Проголодавшись, Багира разила направо и налево, то же делал и Маугли —